

Заключительная глава обобщает итоги исследования. Р. Г. Кузеев здесь отстаивает идею бесконечности, перманентности этнических процессов, которые в то же время носят дискретный характер. В целом эволюционный процесс этнического развития, по мысли Р. Г. Кузеева, прерывается импульсами консолидации, интенсивность которых может быть различной. Автор пользуется для обозначения состояния этноса традиционной терминологией (племя, народ, нация), однако придает им новое значение, сопровождая определениями, такими как племенная народность, раннефеодалная народность, формирующаяся нация и др. Теоретический анализ типологии этнических общностей и конкретный анализ этнического развития в Волго-Уральском регионе сделан Р. Г. Кузеевым во многом по-новому. Безусловно, это серьезный вклад в разработку этнических проблем.

Как видно, взявшись за исследование истории развития Волго-Уральской историко-этнографической области и убедительно решив эту задачу, Р. Г. Кузеев вышел за рамки исследования, охватив многие актуальные проблемы современной этнографической науки. Исследование Р. Г. Кузеева многое объясняет в этнических процессах более позднего времени и в современный период.

В столь фундаментальном исследовании, выполнение которого по силам лишь многоопытному ученому, есть, конечно, и дискуссионные моменты. Прежде всего они касаются теоретических проблем соотношения этнических и социальных параметров этноса, роли историко-культурных много-этнических обществ в истории человечества и др. Но в работе Р. Г. Кузеева они ставятся и решаются по-своему, вызывая к жизни новые идеи, что, на наш взгляд, является особенно ценным качеством глубоко творческой работы. Она, безусловно, является крупным вкладом в историко-этнографическую науку.

Х. А. Аргынбаев, Н. Э. Масанов, М. С. Муканов

© 1994 г., ЭО, № 1

Н. О. Турсунов. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII — начале XX в. Душанбе, 1991. 544 с.

18 лет назад, в 1976 г., в Душанбе вышла книга таджикского этнографа Н. О. Турсунова «Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в.» Работа представляла собой первый опыт поселенного изучения этнической истории и традиционной экономики населения северных районов Таджикской ССР и была с интересом встречена научной общественностью. В силу пионерного характера работы в отзывах на нее не акцентировались многочисленные погрешности.

В 1991 г. вышла новая книга Н. О. Турсунова на ту же тему, существенно расширившая и дополнившая прежнее исследование. Новая работа мыслилась автором как дальнейшая разработка в хронологическом и концептуальном планах генеральной темы этнической истории населения одной из крупных, в определенной мере ключевых, историко-культурных областей Средней Азии. Автор сам определил цель исследования так: «Впервые . . . дать по возможности детальную историю развития городских и сельских поселений Северного Таджикистана . . .» (с. 32).

В итоге почти 20-летних работ Н. О. Турсунов собрал и представил в книге громадный полевой материал, раскрывающий многие этнокультурные и хозяйственно-экономические стороны жизни населения. Выявлены этнический состав жителей в большей части изученных городов и селений, места выхода их предков, основные виды традиционной хозяйственной деятельности населения, экономическая и социокультурная инфраструктура населенных пунктов, их роль и значение в рамках экономических территориальных общностей.

Безусловно, сильной стороной работы стала ее обращенность к человеку. Исследование конкретных семейно-родственных групп, их основателей-эпонимов, живущих ныне потомков создают незримую нить, связывающую современное население Северного Таджикистана с его прошлым.

В то же время нельзя обойти молчанием имеющиеся в работе методические и фактические ошибки и неточности, так как у читателей может сложиться во многом искаженное представление о действительной картине этнокультурного и экономического развития региона.

Как представляется, начиная конкретное историко-этнографическое исследование с широким использованием статистики, автор обязан был четко определить и обосновать его пространственные рамки. Это сделать было тем более необходимо, что до сих пор не вполне четко определены границы понятия Северный Таджикистан. Автор же ограничивается лишь общим замечанием о вхождении Северного Таджикистана в состав тех или иных политических и административных образований прошлого (с. 3—4), но не говорит о его современных географических или административных рамках. Из самой же работы следует, что под Северным Таджикистаном автор понимает Ленинадскую обл. Республики Таджикистан, а также территорию Ляйлякского р-на Ошской обл. Кыргызстана. Но в этом случае вызывает недоумение, почему в исследование совсем не включено население Айнинского и Матчинско-

го (старого и нового) районов, а в Пенджикентском р-не население изучено лишь в непосредственной близости от города.

В исследовании административных территорий необходимо включать все население полностью или по крайней мере оговаривать такие пропуски. Между тем на территории Ляйлякского р-на подробно показано лишь население таджикских (и то не всех) и узбекских селений, а о киргизском населении, уже столетия живущем здесь, говорится лишь в самых общих чертах. Это замечание касается и Ходжентского р-на, где хотя и говорится кратко о населении горной части правобережья Сырдарьи, совершенно отсутствуют имеющиеся в источниках достаточно полные статистические сведения об этом населении. Если же автор выбрал географический принцип исследования, границы этнографических областей тем более должны быть обоснованы. Ведь, например, восточная граница Аштского р-на абсолютно искусственна, и исторические судьбы его таджикского населения ничем не отличаются от судеб такого же населения уже в Наманганской обл., например, в селениях Чедаке или Чоркесаре (б. Мазари-буво). Нарушение этого важного методического принципа не позволило автору полноценно использовать имеющийся богатейший статистический материал и существенно обеднило выводы, исказив общую картину этнических процессов в регионе.

Вызывает недоумение и неряшливость в использовании статистических данных. Складывается впечатление, что они безо всякой проверки были взяты из работы 1976 г. Между тем уже было показано, что в них содержатся многочисленные ошибки, важнейшие из которых: неверная датировка некоторых текущих статистических обследований (с. 365, 385, 392, 402); путаница с отнесением статистических данных к селениям с одинаковым названием или неправильное их отнесение к другим селениям (с. 270, 289, 386); в таблицах помещены без оговорок статистические данные, отсутствующие в источниках (с. 251, 365), или, наоборот, последние пропускаются (с. 251, 252, 289, 309, 322, 386, 392, 433); имеются многочисленные ошибки в статистике (с. 142, 270, 289, 309, 365). Неправоммерно и использование завышенных статистических данных по Ходженту и Ура-Тюбе за 1868 и 1880 гг., так как эти цифры относятся к городам с пригородами. Приведенные замечания затрудняют пользование статистическими данными для сколько-нибудь ответственных обобщений.

Вряд ли оправдано широкое и без критики использование в подобной работе так называемой народной этимологии топонимов, или этимологии, не являющейся общепринятой. Например, объяснения топонима Ходжент как «Город солнца», Исфара — как «Небесный конь» (с. 57) пока высказывались лишь как гипотезы, не получившие всеобщего признания. Известное объяснение Самгара его жителями как «Пещера Сама» не выдерживает никакой критики, впрочем, как и предложенное автором его сопоставление с топонимом Фальгар (собств. Паргар — «Нагорная») (с. 189). Предложение считать название узбекского с. Ляккат (Лакат) производным из восточноиранских языков (с. 242) воспринимается как большая натяжка, если учитывать не только историю его населения, но и значение этого арабского слова в тюркских языках — «ребенок неизвестного происхождения, найденный». Этимология ряда названий населенных пунктов давно выяснена и вряд ли вообще стоило для их объяснения привлекать народную этимологию. Это касается, например, Исфаны, название которой представляет собой временную трансформацию уструшанского названия Арсыникет, или Ниджони — тюрское переосмысление восточноиранского Нуджониката. Это же касается и многих названий структурных частей — кварталов городов региона. Например, в книге повторяется объяснение названия махалли г. Ходжента Испаракон как «исфаринцы». (с. 99, 107). Между тем давно выяснено, что на самом деле свое название квартал получил по основному занятию жителей — сборщиков травы испарак². Эти примеры можно было бы многократно умножить.

Учитывая широкое использование автором названий местных географических реалий и на этой основе пространственно-топографических и географических конструкций для обоснования экономической роли тех или иных селений, следовало ожидать и достаточно корректного их изложения. Но и здесь мы находим крупные неточности. Например, чтобы обосновать экономическое значение сел. Кунджака как важного пункта «остановки горцев Фальгара на пути в Ура-Тюбе», автор пишет, что «... путники, следующие в горный Фальгар, рано утром выходили из Кунджака, вечером останавливались в фальгарском селении Бод» (с. 262). Но дело заключается в том, что прямого пути на юг, в Фальгар, из Кунджака по Обкарчесаю (а не Кунджакасаю, как пишет автор) не было. Чтобы выйти на перевалы Туркестанского хребта, нужно было из Кунджака выйти по расположенному западнее саю Аксау на перевальный узел Аксой (2747 м) — 25 км, затем по саям Актанги и Кырк-кызык выйти к перевалу Парз (около 3500 м) — еще 20 км, а уже затем спуститься в Фальгар к сел. Парз (а не Бод — такого селения в Фальгаре никогда не было) — 15 км. Таким образом, весь маршрут составлял не менее 60 км, что с учетом горной местности было, естественно, больше. Этот путь был, конечно, доступен для горцев, которые могли пройти его за день, но только пешими, так как при наличии скота или же вьючных и верховых животных он преодолевался лишь за 2—3 дня. На этом маршруте не было специализировавшихся на обслуживании путников или караванов населенных пунктов. В связи с этим отметим, что горцы предгорий Туркестанского хребта при необходимости переходили хребет вместе с ишаками даже в тех местах, где перевалов не было, но это не значит, что на этих путях должна была возникнуть обслуживающая инфраструктура.

Подобная же ситуация с с. Угук, располагавшимся в 6 км от перевала Камодон. Селение рисуется автором как экономически развитое, имевшее четыре-пять мельниц и до восьми маслобоек, с развитым земледелием и скотоводством, промыслами и ремеслами, наличием караван-сараяв, торговых лавок и трех-четырёх помещений для ночлега путников. Селение имело, якобы, достаточно развитую внутреннюю структуру и состояло из четырех кварталов-гузаров, причем один из главных кварталов — Кала был многолюдным и укрепленным. Здесь было несколько родовых кладбищ.

Однако независимые исследования показывают совершенно иную картину экономического и социального состояния Угука. Хотя через него и проходил довольно оживленный путь через перевал

Камадон (правда, расположенный не в 6, а в 12 км по прямой от селения), в кишлаке не было караван-сараев. На все селение было лишь одна общественная мехмонхона, где собирались на свои собрания мужчины и могли останавливаться на ночлег путники. Лавок не было. Единственная на весь кишлак мечеть находилась в одной из двух структурных частей селения — Кали-дурун. Кладбище было только одно, на нем каждая семейно-родственная группа имела свой участок³. Нет сомнений, что кварталы, о которых говорит Н. О. Турсунов, не могли сложиться в предреволюционные годы, когда число хозяйств колебалось от 32 в 1870 г. до 43 в 1904 г. Сохранилось уникальное описание Угука очевидцами от 1887 г. В нем, в частности, говорится: «Угукцы народ весьма небогатый, хлеба . . . хватает только на $1\frac{1}{2}$ зимы и мясо считается лакомством или редкостью . . .». Новейшие этнографические исследования хозяйства кишлаков этой зоны, проведенные по современным методикам, показывают, что доля земледелия в хозяйстве угукцев составляла лишь 41,3%, остальное приходилось на долю скотоводства. При этом общее производство зерна составляло всего 0,5 кг на человека в день (без учета налогов и т. п.), т. е. полуголодный прожиточный минимум. Специалистами также отмечается, что ремесло у населения верховьев Аксу «не вышло за рамки общинного уровня . . . Товарного ремесленного производства не было, и, насколько можно судить, серьезные тенденции к его возникновению отсутствовали»⁴. Таким образом, несомненно, что ни о каких четырех-пяти мельницах говорить не приходится, так как и одной угукцам хватило бы с избытком. Кроме того, речка Шаган настолько мала, что не смогла бы привести водяную мельницу в действие. И сейчас единственная мельница Угука расположена на р. Арглы близ впадения в нее Шагана. Кроме того, и в предреволюционный период угукская речка Шаган использовалась преимущественно для питья, и лишь в очень небольшой степени для орошения. Как мы видим, реальное экономическое положение селения существенно отличается от описанного в работе Н. О. Турсунова. Можно привести и другие подобные неточности.

Использование автором факта специализации тех или иных районов на определенных сельскохозяйственных культурах для обоснования вывода об уровне развития экономической жизни не вполне правомерно, поскольку подобная специализация скорее была следствием различий в природно-климатических и ландшафтных условиях даже на сравнительно ограниченной территории Северного Таджикистана.

Натяжки в фактах, упомянутые выше, невольно наводят на мысль о стремлении автора к осуществленной модернизации реального экономического состояния северотаджикистанского общества. В связи с этим представляется, что попытка обоснования многочисленных разноуровневых территориальных экономических структур и в их рамках качественно различающихся специализированных типов населенных пунктов представляется недостаточно обоснованной, так как она построена лишь на некоторых умозрительных посылах, а не на сколько-нибудь убедительных, основанных на объективных и доказуемых методиках. Видимо, таджикистанское традиционное общество даже в первой четверти нынешнего столетия было достаточно аморфным как в социально-структурном, так и в хозяйственно-экономическом планах. Общность между традиционным среднеазиатским городом и селом в соционормативном, да и в экономическом аспектах, было настолько очевидной, что помещать между этими полюсами целую гамму малых городов, городков, торговых и ремесленных селений и др. можно лишь с большими оговорками и на основе универсальных и объективных критериев. Ведь и в наше время практически все населенные пункты, попавшие в эту классификацию, имеют статус кишлаков, т. е. селений.

Для подтверждения тезиса о существенной социально-экономической дифференциации и модернизации региона автор использует и факт изживания дислокальности сезонного расселения жителей среднеазиатских городов, в первую очередь Ходжента и Ура-Тюбе, в первой четверти XX столетия (с. 441). Однако, по нашему мнению, этот процесс имеет не стадийный, формационный, т. е. линейный, а циклический характер, как и вообще развитие всех социальных структур восточного общества. Поясним эту мысль в общих чертах. Дислокальность — это явление вторичное, возникающее тогда, когда горожанам становится сложно заниматься сельским хозяйством в черте города в связи с ростом населения и другими факторами, и они осваивают земли за чертой города (городской стеной). Постепенно, по мере продолжающегося увеличения численности населения, в городе становится тесно, и часть горожан переезжает на постоянное жительство на свои загородные земли. На следующем этапе, когда город еще расширяется, городские стены переносятся и включают в себя пригороды. Затем цикл повторяется. Безусловно, в средние века эти процессы шли достаточно медленно и противоречиво, как из-за низких темпов ежегодного прироста населения (0,3% и менее), так и вследствие воздействия многочисленных факторов, одновременно и существенно сокращавших население. С присоединением же Средней Азии к России темпы прироста населения многократно возросли, в связи с чем процесс резко ускорился. На примере Ходжента мы можем наблюдать ряд таких циклов по крайней мере с начала XVIII столетия, когда была выстроена новая (и последняя) городская стена и в черту города вошли загородные кварталы того времени.

И, наконец, последнее. Автором выделены несколько этапов в процессе сложения населения Северного Таджикистана. Первый этап — с начала XVII до середины XVIII в. (с. 438—439). Рассмотрение этого периода не было целью работы и, соответственно, не обосновывалось материалом. Поэтому говорить о нем нецелесообразно в принципе. Что же касается второго периода — вторая половина XVIII в. (с. 439—442) — то он ничем не отличается от выделенного автором в качестве третьего периода первой половины XIX в. до присоединения Средней Азии к России и безболезненно может быть объединен в один — вторая половина XVIII в. — 1860-е годы. Этот этап в целом действительно характеризуется важными качественными процессами: массовыми миграциями как тюркоязычного, так и ираноязычного населения, сложением в основном новой системы расселения, созданием предпосылок для массового оседания скотоводческого населения (преимущественно узбекских племен) и т. д. Этот этап объективными критериями отделяется как от более раннего, так и от более позднего времени и не требует большей подробности.

К сожалению, автор оставляет без внимания исследования, прямо посвященные населению Северного Таджикистана и его хозяйству, выполненные после 1976 г.⁵, хотя библиография доведена им до 1989 г. Между тем проведенные по современным методикам независимыми исследователями-этнографами, эти работы могли бы существенно дополнить фактологическую и аналитическую часть рецензируемой книги, уберечь ее автора от многих неточностей и ошибочных суждений.

Большие претензии можно предъявить и редактору книги Е. Гуськовой, допустившей огромное количество орфографических и синтаксических ошибок, опечаток и т. д., что вызывает вполне понятное раздражение читателя. Все это снижает научное значение исследования, выполненного на богатейшем этнографическом материале.

И последнее. Несмотря на довольно значительный тираж (2000 экз.) книга так и не появилась на прилавках магазинов даже в Таджикистане, оставшись, таким образом, труднодоступной для исследователей.

Примечания

¹ Бушков В. И. Население Ходжента и его округа в последней трети XIX — первой трети XX в. (по данным статистики и этнографии) // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 181; *его же*. Население Северного Таджикистана (формирование и расселение) // Дис. ... канд. ист. наук (далее — КД), М., 1988. С. 14, 15, 112.

² Мирбабаев А. К. К этимологии топонима «Испаракон» в квартальной структуре Ходжента // Исследования по истории и культуре ...

³ Полевые материалы В. И. Бушкова за 1970, 1971 гг.

⁴ Файзуллаев М. Таджики предгорий Северного Таджикистана. Хозяйство и социальная организация (конец XIX — первая треть XX в.) // КД. 1987. С. 111—112, 130.

⁵ Ахмадеев Н. А. Тюркоязычное население Северного Таджикистана (расселение и хозяйство) // КД. 1983; Файзуллаев М. Указ. раб.; Бушков В. И. Указ. раб.

В. И. Бушков, М. Файзуллаев